

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/5

ПРАКТИКА ПОСМЕРТНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ ТЕЛ «НЕЧИСТЫХ» ПОКОЙНИКОВ В ЮЖНОЙ РУСИ И В ПРИКАРПАТЬЕ И МЕСТЬ ЗА ОСЛЕПЛЕНИЕ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО*

С.Б. Чебаненко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Авторское резюме

В некоторых городах Южной Руси и их окрестностях известны находки человеческих останков с посмертными повреждениями (пробитые гвоздями черепа и др.). Повреждение тел определенных категорий покойников было распространено в защитных целях у восточных славян, эта практика хорошо известна и по материалам Волини и Прикарпатья. Такими покойниками были «нечистые», или «заложные», покойники, которые могли навредить живым. Одной из категорий «нечистых» покойников были насильственно умерщвленные. Проводятся параллели между манипуляциями с телами «нечистых» покойников и расправой с жертвами мести, сопровождаемой повреждениями тел убитых (убийство виновных в ослеплении князя Василька Ростиславича).

Ключевые слова: Южная Русь, Прикарпатье, черепа, «заложные» покойники, упиры, ослепление Василька Тербовольского, месть, стрелы, повешение.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (проект № 5.38.265.2015).

THE PRACTICE OF POSTMORTEM DAMAGE TO BODIES OF THE “UNDEAD” IN SOUTH RUSSIA AND SUBCARPATHIA AND VENGEANCE FOR THE BLINDING OF VASILKO OF TEREBOVL*

S.B. Chebanenko

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

Abstract

Human remains with postmortem damages (skulls pierced by nails, etc.) were found in some towns of South Russia and around. According to historical and ethnographic materials of Volhynia and Subcarpathia, damage to certain categories of decedents was a common defensive practice among Eastern Slavs. Those decedents known as “zalozhniye” (i.e. the “undead,” like vampires, walking dead etc.) could harm the living. One category of the undead were those who died by violence. The author compares the manipulation with the bodies of the undead and massacres with victims of vengeance followed by the post-mortem damage to their bodies (the murder of those guilty of Prince Vasilko of Terebovl’s blinding).

Keywords: Southern Rus, Subcarpathia, skulls, the “undead”, blinding of Vasilko of Terebovl, vengeance, hanging, arrows.

В исследованиях этнографических и фольклорных материалов восточных славян, посвященных похоронно-поминальной обрядности и верованиям о посмертном существовании, фиксируется такая категория, как «нечистые» покойники. Они, в отличие от «чистых», являются к живым вне установленных сроков и представляют для них опасность.

Эти представления реконструируются в основном по данным XIX–XX вв., однако в данной связи приводятся свидетельства и более ранних периодов; предполагается, что подобные воззрения существовали еще в древнейшие времена. Так, Д.К. Зеленин, которому принадлежит основная заслуга в постановке и разработке данной проблематики, приводит свидетельство Серапиона Владимирского о

---

* The research is supported by Saint Petersburg State University (Project Nr. 5.38.265.2015).

взглядах народа на погребение таких покойников (удавленников и утопленников), относящееся ко второй половине XIII в. (Зеленин 1995: 93–94). Некоторые данные указывают на существование практики обезвреживания опасных мертвецов еще в домонгольский период, причем в таких формах, которые обнаруживают значительное сходство со способами защиты от «нечистых» покойников, отмечаемыми для XIX–XX вв.

Представления о «нечистых», так называемых «заложных» покойниках, которые после смерти причиняли разнообразный вред живым, были широко распространены у восточных славян (эти верования хорошо известны во всех славянских традициях). Одной из самых опасных разновидностей «заложных» покойников были упыри, демонические существа разной природы – в зависимости от региона (Седакова 2004: 133). Вера в упырей в наиболее развитых формах фиксируется у населения Украины. На превращение в «нечистых» мертвецов в первую очередь влияли обстоятельства смерти: ими становились умершие до срока, погибшие насильственно или не своей смертью, самоубийцы; также к ним относили людей, знавших при жизни с нечистой силой, и некоторые другие категории умерших (Зеленин 1995: 40–41). Их не полагалось хоронить рядом с обычными покойниками. Души «заложных» покойников рассматриваются и как представители нечистой силы. Несмотря на опасность таких мертвецов, существовали разнообразные способы защиты от них. Подобного рода воззрения подробно освещены в специальных исследованиях (см., напр.: Зеленин 1995; Виноградова 2000; Левкиевская 2000: 214–232; Толстая 2001, 2006; Седакова 2004: 39–51, 121–122, 237–276; Грузнова 2013: 161–172).

Одним из самых действенных способов избавиться (обезопаситься) от «нечистых» покойников было нанесение им различных повреждений (в этих целях покойникам также связывали ноги, клали в гроб различные обереги, сыпали мак и т. д.). Вредоносным и опасным мертвецам отрубали голову, ноги. Широко распространенным был обычай вонзать в тело или в могилу острые предметы – деревянные колья, железные зубья бороны, ножи, гвозди и т. п.

Для этих целей предпочтительными считались металлические предметы, поскольку нечистая сила боится железа. Так, одно из киевских захоронений XI в., в котором гроб и тело оказались пробиты насквозь большим железным костылем длиной в один метр, загнутым под днищем гроба, исследователи определили как захоронение вампира (см.: Панова 2004: 152). Пробивание же черепов покойников (особенно упырей) острыми железными предметами (гвоздями) как защитная мера, согласно поздним данным, было

особенно широко распространено на Волыни и в Прикарпатье (Кузеля 1907: 109–124).

В 1930-х гг. в ходе проведения масштабных археологических исследований на Волыни были обнаружены черепа, пронзенные в области теменной или височных костей железными гвоздями. Они были найдены на территории Владимира-Волынского и его окрестностей в одиночных погребениях и групповых захоронениях (Цинкаловский 1937: 186–193; 1984: 99, 368). Подобные находки были сделаны и другими исследователями и неоднократно встречались впоследствии (Мазур и др. 2010: 304).

Такие черепа в литературе в основном стали связывать со штурмом монголо-татарами Владимира-Волынского и последующими расправами с побежденными защитниками города (Цинкаловский 1935: 33; Каргалов 1967: 127; Храпачевский 2004: 387; Храпачевский 2011: 235; Котляр 2005: 256; Сусенков 2006: 80; Хрусталеv 2008: 189; Хрусталеv 2013: 228; Кучинко 2009: 405; Карпов 2011: 105). Однако, несмотря на распространенность указанного мнения, оно не подкрепляется показаниями письменных источников: в известиях, рассказывающих о завоевании монголо-татарами русских земель, не упоминается ни о чем подобном (Мазур и др. 2010: 307–308). Практика пробивания головы (черепа) гвоздями как способа казни или истязания тела врага или преступника не была характерна для завоевателей.

Относительно этих находок было высказано мнение, что их появление необходимо связывать с ритуальной практикой славян, мерами защиты против ходячих покойников и упырей (Пастернак 1961: 629). В последнее время эта точка зрения приобретает все большую популярность и получает все более обоснованную аргументацию¹ (Панова 2004: 152; Мазур и др. 2010: 302–317), в том числе в публикациях, вышедших на страницах журнала «Русин» (Майоров 2015: 16–17).

В связи с уже изложенным пониманием значения «волыньских черепов» полагаем уместным привлечь летописное известие, относящееся к домонгольскому периоду, события которого разворачиваются тоже на Волыни. Представляется, что можно провести определенные параллели между манипуляциями с телами покойников, которые рассматривались выше, и подробностями расправы над виновными в ослеплении Василька Теребовльского.

Под 1097 г. летопись сообщает, что князя Василько и Володарь Ростиславичи появляются под стенами Владимира-Волынского, где от них укрылся Давыд Игоревич Владимир-Волынский. Незадолго до этого по его инициативе Василько Теребовльский был пленен Святополком Изяславичем Киевским и вскоре ослеплен. После

освобождения Василька Ростиславича братья осаждают Владимир-Волынский и заставляют Давыда Игоревича и владимирцев выдать им Туряка, Лазаря и Василя – влиятельных лиц, которые «намолвили» Давыда ослепить Василька. В руки братьев попадают Василь и Лазарь (Туряк успел скрыться), «заутра по зори повесиша Василя и Лазаря и растреляша стрелами Василковичи, и идоша от града». Эта расправа названа «мщением». После отбытия князей от города тела убитых «снемши и погребоша я» (ПСРЛ 1: Стб. 268–269).

Ритуальные аспекты смерти Василя и Лазаря были детально рассмотрены А.В. Майоровым (Майоров 2001: 139–154), который опирался также на описания событий, содержащихся в «Истории Российской» В.Н. Татищева и «Хронике» Ф. Софоновича. Согласно Татищеву, «наутрее в понедельник Ростиславичи, поставя высокую виселицу перед градом, повесили злодеев тех за ноги и велели разстрелять» (Татищев 1964: 117). Согласно Софоновичу, «Василько и Володарь... казали высоко на деревьях повешати и стрелами насмерть постреляли» (Софонович 1992: 80). А.В. Майоров склонен доверять вариантам Татищева и Софоновича: смерть настигает виновных не от петли, а от стрел (подобное понимание было принято некоторыми исследователями: Писаренко 2003: 185, прим. 56; Пауткин 2014: 99), причем виновные оказываются подвешенными за ноги. Исполнителями расправы были отроки, младшие дружинники Василька, о чем сообщают поздние летописи и на что намекает Лаврентьевская летопись (употреблена форма множественного числа – «Василовичи», а не двойственного, а у князя было двое сыновей). Переворачивание преступников, сопряженное с расстрелом их стрелами, есть уподобление их дьяволу и разоблачение в них дьявольского, бесовского. Расстрел стрелами – уничтожение нечистого, очищение от него (стрела – символ божественного грома), предваряемое предсмертными истязаниями, имитирующими загробные муки.

Таким образом, согласно А.В. Майорову, Василя и Лазаря сначала повесили за ноги и затем расстреляли стрелами. Подобное толкование выглядит довольно убедительно, если довериться сообщениям В.Н. Татищева и Ф. Софоновича. Но более вероятным представляется, что в данном случае мы сталкиваемся с переосмыслением не вполне понятной поздним авторам процедуры («повесиша и... растреляша»), а не с сохранившимися следами древних источников. В пользу этого говорят расхождения у обоих авторов: для одного очевидно было, что виновных повесили «высоко на деревьях», для второго более привычной была виселица – оба истолковали неясный текст по-своему. Кроме того, такая деталь, как подвешивание за ноги, также не может

быть принята безоговорочно: она содержится во второй редакции «Истории Российской», которую Татищев писал современным ему языком, стремясь сделать ее понятной для современников (в отличие от первой редакции на «древнем наречии»). При этом он раскрывал и по-своему истолковывал отдельные неясные места. Поэтому, склоняясь к тому, что причиной смерти явился именно расстрел, а не повешение, он истолковал «повесиша» как подвешивание за ноги, видимо, как наиболее подходящее для «злодеев». К тому же в первой редакции он оставил без изменений «повесиша... и растреляша стрелами» (Татищев 1968: 172), а в примечаниях ко второй редакции Татищев не указывает, что пользовался в данном случае какими-то особыми источниками, кроме Лаврентьевской летописи, как это он делает в ряде случаев.

Полагаем, что слова Лаврентьевской летописи следует понимать иначе, нежели предложил А.В. Майоров: расстрелу *уже мертвых* тел стрелами предшествовало повешение. Тогда мы сталкиваемся с одним из традиционных способов умерщвления при кровной мести – смертью через повешение (Чебаненко 2014), осложненным посмертным повреждением тел.

Как было сказано ранее, традиция повреждения тел вредоносных покойников была широко распространена у восточных славян в различных формах. Необходимо заметить, что обычай повреждения именно черепов мертвецов, особенно характерный для Волыни и Прикарпатья, был лишь *одним из вариантов* распространенной там практики борьбы с опасными покойниками. Также в этих целях использовались иные способы. В частности, повреждались и другие части тел мертвецов: пронзали различными острыми предметами грудь, пробивали сердце, пятки, режущим инструментом подрезали ноги и т. п. (Кузеля 1907: 117–119; Левкиевская 1995: 285–286; Левкиевская 2000: 219–220 227–228, 232; Седакова 2004: 61; Толстая 2006: 257–258; Гузій 2007: 108). Все это многообразие калечащих способов обезвреживания предоставляют прежде всего этнографические данные позднего происхождения.

Первый способ, в отличие от остальных, лучше фиксируется археологически, особенно при наличии самого предмета, которым совершалось пробивание черепа (гвоздь и т. п.). В других случаях археологически зафиксировать посмертные повреждения бывает довольно сложно. Во-первых, повреждения мягких тканей не всегда отражаются на костях скелета, во-вторых, если при этом кости посткраниального скелета оказываются задеты, то определить обстоятельства, при которых это случилось, и орудие, которое при этом использовалось (было это оружие или иные предметы) (Мазур

и др. 2010: 310), нередко бывает затруднительно. Наконец, далеко не все костные останки подвергались специальным исследованиям на этот счет.

Выявление подобных практик упрощается, когда в останках находят орудия, которыми могли быть совершены данные манипуляции. Выше уже приводился пример, который не мог избежать внимания специалистов, – киевское захоронение XI в., где был обнаружен метровой железный костыль, пробивший тело и загнутый под днищем гроба. Однако далеко не всегда находки определенных предметов позволяют предположить, что они могли использоваться для таких специфических целей. Так, в захоронениях часто находят гвозди, деревянные колышки; между тем гвозди и колышки использовались и для изготовления гробов (Мазур и др. 2010: 305), и как средство защиты от покойников – они вбивались в тело или в гроб (Кузеля 1907: 117; Седакова 2004: 96). К тому же нельзя забывать о том, что существовал обычай класть с покойником в могилу самые разнообразные вещи: оружие (в том числе стрелы), хозяйственные орудия, бытовые предметы, которые не всегда поддаются однозначной трактовке.

Таким образом, черепа, пробитые гвоздями, могут считаться лишь одним из свидетельств (археологических) существования в Средневековье в Южной Руси и Прикарпатье практики повреждения тел «нечистых» и опасных покойников. Следы других разновидностей подобных манипуляций с останками в археологическом материале выявить сложнее. В последнем случае на помощь могут прийти письменные данные.

Многочисленные свидетельства обезвреживания «нечистых» покойников приводятся в основном в связи с поминально-похоронной обрядностью, однако такие меры могут применяться и вне границ обряда. Главным содержанием этих действий является именно нейтрализация мертвеца или защита от него, и они могут рассматриваться в качестве *отдельного ритуала* (Седакова 2004: 51, 95; Толстая 2006: 237). Соблюдение всех похоронных обычаев важно для родных и близких покойника, для остальных главное – не допустить его превращения в ходячего, добиться окончательной смерти, изгнать из сферы жизни². Нечто подобное наблюдается и во владимирских событиях: князя Ростиславичи (или их отроки) убивают Василя и Лазаря, затем расстреливают их тела стрелами и, сочтя свою цель достигнутой, оставляют их в таком виде. Похоронами занимаются уже после их отъезда владимирцы (родственники убитых?).

Важно отметить, что в ритуальной практике меры в отношении опасных покойников применялись не только для *прекращения* хождения живых мертвецов, но и в превентивных целях, для *пре-*

дупреждения такой возможности (Толстая 2006: 237). Существовали такие категории покойников, которые после смерти обязательно становились опасными для живых. К «нечистым» покойникам относятся, в частности, умершие до срока, умершие насильственной смертью, а также самоубийцы-висельники. Причем одними из самых опасных во всех региональных традициях славян считаются именно висельники (Седакова 2004: 47–48). «Заложными» становятся и большие грешники, преступники. Особой злокозненностью отличаются те, кто еще при жизни продал душу злым силам (колдуны и ведьмы): как правило, после смерти они превращаются в упырей (Толстая 2006: 249–250).

Иногда, имея дело с заведомо «заложными», висельников и других «нечистых» калечили заблаговременно: еще на похоронах пробивали деревянным колом или острым железным предметом тело (вариант: забивали кол в могилу), вбивали гвозди в голову, пробивали шилом пятки, протыкали гвоздями язык, выкалывали глаза и т. п. (Кузеля 1907: 117–119; Толстая 2001: 166; Седакова 2004: 253, 256; Гузій 2007: 108). Приводятся даже примеры пронзания осиновым колом тел еще живых людей – по сути, ритуальных убийств по этим мотивам (Кузеля 1907: 113).

В нашем случае Василь и Лазарь окончили свою жизнь насильственно и до срока и, как мы полагаем, в петле, уже только поэтому они не могли стать «обычными» покойниками. Сам способ умерщвления – повешение (удушение) – восходит к ритуалам языческих жертвоприношений (Чебаненко 2014: 169–171)³. Кроме того, Василя и Лазаря можно воспринимать как преступников, грешников, подговоривших Давыда Игоревича на страшное зло. Также было высказано обоснованное мнение (Майоров 2001: 139–142), что Василем, Туряком и Лазарем при жизни овладела нечистая сила: им «влезе сотона въ сердце», почему они и стали «наговаривать» Давыда Игоревича против Василька (ПСРЛ 1: Стб. 257). Эти обстоятельства могли дать убийцам Василя и Лазаря основания полагать, что одного только умерщвления тела недостаточно, или что их жертвы могли продолжить посмертное существование, возможно, в качестве «нечистых» мертвецов, следовательно, необходимы дополнительные меры в их отношении.

С обрядами в отношении «нечистых» покойников события под Владимиром-Волынским сближает характер повреждений, нанесенных телам Василя и Лазаря: они были пронзены стрелами с металлическими, надо полагать, наконечниками. Это напоминает упомянутые выше обычаи вбивания / втыкания в тело «нечистых» мертвецов острых предметов из железа с целью защититься или избавиться от них. Острые и металлические предметы считались предпочтитель-

ными для этих целей, поскольку общеизвестно, что нечистая сила их боится – таковы верования, представленные у многих народов. Стрела, сочетая оба этих качества, также наделялась апотропеической и отгонной функциями, свойствами защищать от нечистой силы и отгонять ее (Узнёва 2012). Так, согласно археологическим данным, стрелы в то время использовались в защитных целях и в похоронном обряде (Фетисов 2004: 93–97).

Затруднительно сказать, в какой степени в действиях князей Ростиславичей присутствовала собственно защитная мотивация. Судя по поздним этнографическим данным, упыри и другие категории «заложных» покойников после смерти были, как правило, связаны с местом смерти или захоронения (Зеленин 1995: 40 и др.; Седакова 2004: 75; Левкиевская 1995: 285), и опасаться их стоило не столько Ростиславичам, сколько жителям Владимира-Волынского⁴.

Повреждение тел «нечистых» мертвецов, кроме защитной функции, имело еще одно назначение – недопущение возможности их посмертного существования в мире живых, окончательное их уничтожение⁵ (Толстая 2001: 169; 2006: 237, Седакова 2004: 58). Повидимому, эта функция была первичной. Представляется, что именно это и было главной целью Ростиславичей.

Стрела в данном случае (как острое металлическое орудие) выступает не как защитное средство, а как наступательное – инструмент уничтожения злых сил. Добавим к этому, что она может символизировать божественную стрелу, символ грома и молнии (как предположил А.В. Майоров). В мифе о индоевропейском боге грозы, хорошо фиксируемом и в славянских материалах, врагом, против которого направлена его стрела, является Змей, позднее представленный в качестве демона, черта, нечистого духа (Иванов, Топоров 1974: 5–179). Между тем души «заложных» покойников рассматриваются также как представители нечистой силы (Зеленин 1995: 58–60 и др.), а множество персонажей нечистой силы возводят к душам умерших (Виноградова 2000). Одним из таких персонажей является Змей, который в славянских поверьях осознается то как покойник, то как нечистый дух (Виноградова 2000: 39).

Сложно с уверенностью определить, что именно стремились поразить стрелами Ростиславичи (или отроки Василька), направляя их в тела Василя и Лазаря, – сами тела, души покойных или злые силы, духов, овладевших теми. Совокупность данных о «нечистых» покойниках не позволяет выстроить единую и непротиворечивую картину представлений, которые могут объяснить все формы ритуалов, связанных с предупреждением хождения и защитой от «нечистых» покойников (Толстая 2006: 238). С одной стороны, порча тела покойника

может рассматриваться как «убийство тела умершего», уничтожение смертной части человека (Седакова 2004: 58), ведь одна из главных целей калечения – не дать ходячему мертвецу приходить к живым. С другой стороны, выбор конкретных видов и объектов повреждений – отрубание головы, вбивание гвоздя в голову, пробитие колом груди, пронзание сердца и т. д. – в ряде случаев обусловлен тем, что там помещается душа⁶ (Седакова 2004: 61), которая и поражается острыми и железными предметами. Само поражение души железным (деревянным) орудием возможно еще и потому, что душа часто воспринимается как не вполне нематериальная субстанция, даже как телесный орган и как живое существо, она может испытывать потребности, ее можно ранить и т. п. (Толстая 2008: 382–384, 404).

Полагаем, что комплекс негативных представлений, связанных с висельниками, хорошо известный по поздним материалам, во многом был обусловлен тем, что их души оказывались неотделенными от тел. Кончина, как правило, представляется в виде отделения души от тела с последним вздохом (Байбурин 1993: 105; Седакова 2004: 61), она покидает тело главным образом через рот (Толстая 2008: 398–399). Считалось опасным, если душа задерживалась в теле – в таком случае покойник может стать вампиром, демоном (Толстая 2008: 400). Повешение (удушение) не позволяло душе покинуть мертвое тело⁷; по-видимому, оставался в запертом таким образом теле и злой дух, овладевший человеком. Поэтому стрелы, пронзившие тела Василя и Лазаря, поразили и заключенные в мертвых оболочках души «злodeев» и (или) овладевшие ими нечистые силы.

Мы не утверждаем, что в отношении расправы над Василем и Лазарем, равно как и в отношении «волынских черепов», может быть в полной мере применен комплекс представлений о «нечистых» покойниках, как он раскрывается в этнографических материалах XIX–XX вв., тем не менее наблюдается значительное сходство внешней стороны ритуала и его содержания. Общей является основная цель повреждения останков покойного посредством острых (железных) предметов – окончательное уничтожение или изгнание некой опасной силы, заключенной в мертвом теле: злой, грешной души и (или) демонов, нечистой силы.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

Находки человеческих останков с посмертными повреждениями (пробитые гвоздями черепа) в некоторых местностях Южной Руси нужно связывать с ритуальной практикой славян, мерами защиты от ходячих покойников и упырей. Археологические материалы и историко-этнографические данные о «нечистых» покойниках показывают, что для этих целей в Южной Руси и Прикарпатье применялись раз-

личные способы посмертного повреждения тел. В этой связи можно провести определенные параллели между «калечением» черепов покойников и подробностями летописного известия о расправе над виновными в ослеплении Василька Теребовльского, тела которых были расстреляны стрелами.

Детали рассказа о расправе над Василем и Лазарем, как и находки пробитых гвоздями черепов и некоторые другие данные, являются свидетельством существования в Древней Руси практики посмертного повреждения тел покойников. Обе рассматриваемые в статье разновидности повреждений (пробитие черепа или пронзание тела) наносились с целями прекращения или недопущения посмертного существования «нечистых» покойников (их душ) в мире живых, их окончательного уничтожения, а также уничтожения или изгнания нечистых сил, овладевших ими при жизни или после смерти. Данное типологическое сходство между этими феноменами указывает на то, что эта ритуальная практика восточных славян имела широкое распространение в домонгольский период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Как показали исследования одного из дошедших до настоящего времени черепов, повреждения ему были нанесены после смерти его обладателя (Мазур и др. 2010: 310–311).

2. Более того, «заложных» покойников не всегда хоронили, а позже для их захоронений выделяли особые места (Зеленин 1995: 40–41, 88–96 и след.). Они были либо вовсе лишены похоронного обряда, либо он проводился для них не так полно, как для «чистых» покойников (Седакова 2004: 75).

3. Особое отношение к самоубийцам-висельникам в контексте позднейших представлений о «заложных» покойниках связано, конечно, и с особым отношением церкви к самоубийцам вообще, хотя, несомненно, восходит к языческим воззрениям славян. Также на эти представления повлияли библейский рассказ о самоубийстве Иуды («И повергъ сребреники въ церкви, отъиде: и шедъ удавися») (Мф. 27:5)) и его переосмысление в народной среде, в которой обстоятельства смерти Иуды стали перекликаться со взглядами на «заложных» покойников (Белова 2000: 350–354).

4. Тем не менее в материалах о «нечистых» покойниках известен сюжет о том, что жертвы насильственной смерти являлись своим убийцам с целью мести (Виноградова 2000: 29–30).

5. Вот один очень характерный пример: П.Г. Богатырев приводит услышанный им в Закарпатье рассказ о покойнике-колдуне, которому,

выкопав из могилы, отрезали голову и положили между ног. Покойник стал кричать: «Зачем вы меня извели?» (Богатырев 1971: 272).

6. Вместилищем души могут быть все тело, сердце, желудок, горло, глотка, голова, глаза, кости, кровь, легкие, печень, мизинец. Кроме того, душа может перемещаться в теле (Толстая 2008: 392–395).

7. Или же повешение не позволяло душе своевременно покинуть тело обычным путем. «Прочие пути выхода из тела расцениваются как аномальные, присущие колдунам, ведьмам и другим лицам, знающим с нечистой силой» (Толстая 2008: 399). Впрочем, представления о душе у славян довольно разнообразны, что не позволяет составить некую четкую и единообразную картину, чтобы с уверенностью процитировать ее на древнейшие известия.

ЛИТЕРАТУРА

Байбурин 1993 - *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Белова 2000 - *Белова О.В.* Иуда Искарот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 344–360.

Богатырев 1971 - *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 515 с.

Виноградова 2000 - *Виноградова Л.Н.* Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 25–51.

Грузнова 2013 - *Грузнова Е.Б.* На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV–XVI в.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2013. 320 с.

Гузій 2007 - *Гузій Р.* З народної танатології: карпатознавчі розсліди. Львів: Інститут народознавства НАН України, 2007. 352 с.

Зеленин 1995 - *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Иванов, Топоров 1974 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Каргалов 1967 - *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высш. шк., 1967. 263 с.

Карпов 2011 - *Карпов А.Ю.* Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 352 с.

Котляр 2005 - *Котляр Н.Ф.* Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. СПб.: Алетейя, 2005. 422 с.

Кузеля 1907 - *Кузеля З.* Причинки до народніх вірувань з початком XIX ст. Упирі і розношене зарази // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1907. Т. 80. С. 109–124.

Кучинко 2009 - *Кучинко М.М.* Історія населення Західної Волині, Холмщини та Підляшшя в X–XIV століттях. Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2009. 528 с.

Левкиевская 1995 - *Левкиевская Е.Е.* Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 283–286.

Левкиевская 2000 - *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2000. 528 с.

Мазур и др. 2010 - *Мазур О., Терський С., Подоляка Т.* Археологічні, краніологічні та етнографічні відомості про боротьбу з пірями за княжої доби // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2010. Вип. 3. С. 302–317.

Майоров 2001 - *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.

Майоров 2015 - *Майоров А.В.* Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы // Русин. 2015. № 1 (39). С. 11–24.

Панова 2004 - *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница, 2004. 183 с.

Пастернак 1961 - *Пастернак Я.* Археологія України: Первісна, давня та середня історія України за археологічними джерелами. Торонто: Наукове товариство ім. Шевченка 1961. 791 с.

Пауткин 2014 - *Пауткин А.А.* К проблеме стратификации летописной статьи 6605 года: культурно-исторический аспект // Россия XXI. 2014. № 6. С. 98–99.

Писаренко 2003 - *Писаренко Ю.* Ослепление Василька Теребовльского (1097 г.). Мифологический подтекст // Соціум. Альманах соціальної історії. 2003. Вип. 19. С. 179–196.

ПСРЛ 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

Седакова 2004 - *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

Софонович 1992 - *Софонович Ф.* Хроніка з літописців стародавніх. Київ: Наукова думка, 1992. 336 с.

Сусенков 2006 - *Сусенков Ю.И.* Русско-монгольская война 1237–1241 гг. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 110 с.

Татищев 1964 - *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. 360 с.

Татищев 1968 - *Татищев В.Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1968. Т. 4. 555 с.

Толстая 2001 - Толстая С.М. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.

Толстая 2006 - Толстая С.М. Мотив посмертного хождения в верованиях и ритуале // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 236–267.

Толстая 2008 - Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Узнёва 2012 - Узнёва Е.С. Стрела // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 181–182.

Фетисов 2004 - Фетисов А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» // Российская археология. 2004. № 3. С. 89–97.

Храпачевский 2004 - Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2004. 557 с.

Храпачевский 2011 - Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 260 с.

Хрусталева 2008 - Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» 30–40 гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2008. 381 с.

Хрусталева 2013 - Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие, 20–50-е гг. XIII в. СПб.: Евразия, 2013. 416 с.

Цинкаловський 1935 - Цинкаловський О. Княжий город Володимир. Львів: Накладом фонду «Учітеся, брати мої», 1935. 111 с.

Цинкаловський 1937 - Цинкаловський О. Матеріали до археології Володимирського повіту // Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів, 1937. Т. 154. С. 186–193.

Цинкаловський 1984 - Цинкаловський О. Стара Волинь і Волинське Полісся. Вінніпег: Published by Volyn Society, 1984. Т. I. 600 с.

Чебаненко 2014 - Чебаненко С.Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты события // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162–181.

REFERENCES

Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [The rite in the traditional culture: The structural-semantic analysis of the East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka.

Belova, O.V. (2000) Iuda Iskariot: ot evangel'skogo obraza k demonologicheskomu personazhu [Judah Iscariot: From the evangelistic character to the demonologic person]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow: Indrik. pp. 344–360.

Bogatyrev, P.G. (1971) *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [The Folk Art Theory]. Moscow: Iskusstvo.

Vinogradova, L.N. (2000) Narodnye predstavleniya o proiskhozhdenii nechistoy sily: Demonologizatsiya umershikh [Peoples' representations of evil spirit: demonology of dead]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balcanic folklore. Folk demonology]. Moscow: Indrik. pp. 25–51.

Gruznova, E.B. (2013) *Na rasput'e Srednevekov'ya: yazycheskie traditsii v russkom prostonarodnom bytu (konets XV-XVI v.)* [At the crossroads of Middle Ages: Pagan traditions in Russian demotic life (the late 15th – 16th centuries)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Guziy, R. (2007) *Z narodnoi' tanatologii': karpatoznachchi rozslidy* [From folk thanatology: A Carpatian research]. Lviv: Institute of Ethnology of the Ukrainian National Academy of Sciences.

Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology. Those who died an unnatural death and mermaids]. Vol. 1. Moscow: Indrik.

Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1974) *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [A research of Slavic antiquities. Text reconstruction: Lexical and phraseological problems]. Moscow: Nauka.

Kargalov, V.V. (1967) *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [The foreign policy in the development of feudal Russia. Feudal Russia and nomads]. Moscow: Vysshaya shkola.

Karpov, A.Yu. (2011) *Baty* [Batu]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Kotlyar, N.F. (2005) *Kommentariy* [Commentary]. In: Kotlyar, N.F. (ed.) *Galitsko-Volynskaya letopis': Tekst. Kommentariy. Issledovanie* [The Galician–Volhynian Chronicle. Text. Commentary. Research]. St. Petersburg: Aleteya.

Kuzelja, Z. (1907) *Prychynky do narodnih viruvan'z pochatkom XIX st. Upyri i roznoshenje zarazy* [Notes on the folk beliefs in the early 19th century. Ghouls and contagion]. *Zapysky Naukovogo Tovarystva im. Shevchenka*. 80. pp. 109–124.

Kuchinko, M.M. (2009) *Istoriya naselennya Zakhidnoi Volini, Kholmshchini ta Pidlyashshya v X-XIV stolittiyakh* [The history of the population of Western Volhynia, Chełm Land and Podlasie in the 10th–14th centuries]. Lutsk: Volyn'ska oblasna drukarnja.

Levkievskaya, E.E. (1995) *Vampir* [Vampire]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 283–286.

Levkievskaya, E. (2000) *Mify russkogo naroda* [Myths of the Russian People]. Moscow: Astrel'.

Mazur, O., Terskiy, S. & Podolyaka, T. (2010) *Arheologichni, kraniologichni ta etnografichni vidomosti pro borot'bu z pyrjamy za knjazhoi' doby* [Archaeological, craniological and ethnographical data on the fight against vampires in the

Middle Ages]. In: Dmitrovich, I.Ya. (ed.) *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [The Epoch of Princes: History and Culture]. Vol. 3. pp. 302–317.

Maiorov, A.V. (2001) *Galitsko-Volynskaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnosheniy v domongol'skiy period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina* [Galician Volhynian Russia. Essays on social-political relations in the Premongolian period. Prince, boyars and city commune]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

Maiorov, A.V. (2015) The Mongol conquest of Volhynia and Galicia: Controversial and unresolved issues. *Rusin*. 1 (39). pp. 11–24. DOI: 10.17223/18572685/39/2

Panova, T.D. (2004) *Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI-XVI vekov* [The Reign of Death. Medieval Russian obsequies in the 11th – 16th centuries]. Moscow: Radunitsa.

Pasternak, Ya. (1961) *Arkheologiya Ukraïni: Pervisna, davnya ta serednya istoriya Ukraïni za arkheologichnimi dzherelami* [The archaeology of Ukraine: Primeval, ancient and medieval history of Ukraine on archaeological sources]. Toronto: Naukove tovaristvo im. Shevchenka.

Pautkin, A.A. (2014) K probleme stratifikatsii letopisnoy stat'i 6605 goda: kul'turno-istoricheskii aspekt [On the stratification of the chronicle of 6605 year: A cultural and historical aspect]. *Rossiia XXI*. 6. pp. 98–99.

Pisarenko, Yu. (2003) Osleplenie Vasil'ka Terebovl'skogo (1097 g.) Mifologicheskii podtekst [The blinding of Vasilko of Terebovl (1097). The mythological subtext]. *Sotsium. Socium. Al'manah social'noi istorii*. 19. pp. 179–196.

Kloss, B. (ed.) (1997) *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Laurentian Codex]. Vol.1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Sedakova, O.A. (2004) *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [The poetics of rite. The obsequies of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.

Sofonovich, F. (1992) *Khronika z litopistsiv starodavnykh* [Chronicles from Old Annals]. Kiev: Naukova dumka.

Susentkov, Yu.I. (2006) *Russko-mongol'skaya voyna 1237-1241 gg.* [The Russian-Mongolian War of 1237–1241]. Tomsk: Tomsk State University.

Tatishchev, V.N. (1964) *Istoriya Rossiyskaya. V 7 t.* [Russian History. In 7 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Tatishchev, V.N. (1968) *Istoriya Rossiyskaya. V 7 t.* [Russian History. In 7 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Tolstaya, S.M. (2001). Poleskie pover'ya o khodyachikh pokoynikakh [Beliefs about the walking dead in Polesie]. In: Plotnikova, A.A. et al. (eds) *Vostochno-slavyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [The East Slavic ethnolinguistic collection. Research and materials]. Moscow: Indrik. pp. 151–205.

Tolstaya, S.M. (2006) Motiv posmertnogo khozhdeniya v verovaniyakh i rituale [The motive of after death walking in faiths and rite]. In: Tolstaya, S.M. (ed.)

Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Semantika i pragmatika teksta [Slavic and Balkan folklore. Semantics and pragmatics of the text]. Moscow: Indrik. pp 236–267.

Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheshlavyanskoy perspective* [The space of the word. Lexical semantics in the Slavonic perspective]. Moscow: Indrik.

Uzneva, E.S. (2012) Strela [Arrow]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 181–182.

Fetisov, A.A. (2004) Funktsii strel v pogrebal'nom inventare “druzhinnykh kurganov” [The functions of arrows in the funeral inventory of “druzhina mounds”]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 3. pp. 89–97.

Khrapachevskiy, R.P. (2004) *Voennaya derzhava Chingis-khana* [The military power of Genghis Khan]. Moscow: AST LYuKS.

Khrapachevskiy, R.P. (2011) *Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi* [The Mongol army during the conquest of Old Rus]. Moscow: Kvadriga.

Khrustalev, D.G. (2008) *Rus': ot nashestviya do "iga" 30-40 gg. XIII v.* [Rus: From invasion to “yoke” (the 1730–1740s)]. St. Petersburg: Evraziya.

Khrustalev, D.G. (2013) *Rus' i mongol'skoe nashestvie, 20-50-e gg. XIII v.* [Rus and the Mongolian invasion. The 1220–1250s]. St. Petersburg: Evraziya Publ.

Tsinkalovskiy, O. (1935) *Knyazhiy gorod Volodimir* [The princely city of Vladimir]. Lviv: Uchitesja, braty moi'.

Tsinkalovskiy, O. (1937) *Materiyali do arkheologii Volodimirs'kogo povit* [Materials on the archaeology of Vladimir district]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 154. pp. 186–193.

Tsinkalovskiy, O. (1984) *Stara Volin' i Volins'ke Polissya* [The ancient Volhynia and Volhynian Polesye]. Vol. 1. Winnipeg: Volyn Society.

Chebanenko, S.B. (2014) The execution of the Igorevichi princes in Halych: Juridical and ritual aspects of the event. *Rusin*. 2 (36). pp. 162–181.

Чебаненко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Chebanenko Sergey - Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru